

Трактовка мысли Ленина у Славоя Жижека

Савин А. Э.,

доктор философских наук,
РАНХиГС при Президенте РФ, философско-социологический факультет,
заведующий кафедрой философии;
Московская школа управления «Сколково»,
Институт общественных стратегий, профессор,
savinae2018@gmail.com

Аннотация: В статье раскрывается характер истолкования ленинской мысли Славоем Жижекком и его общественное и философское значение. Демонстрируется, что это истолкование базируется на противопоставлении Ленина и ленинизма. Это противопоставление осуществляется посредством проблематизации отношения экономики и политики и трактовки бытия на основе жижекского анализа критики марксизма постмодернистскими левыми мыслителями. Демонстрируется, что жижекская трактовка ленинизма является новым этапом полемики западного марксизма с советским. Раскрываются методологические основания этого нового вызова.

Ключевые слова: Жижек, Ленин, ленинизм, советский марксизм, западный марксизм, философия, политика.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19–011–00764 А.

Отправной пункт осмысления Жижекком ленинизма для обывателей, сознательных и бессознательных сторонников бессмертного и всепоглощающего капитализма, т. е. капитализма «развитого» (advanced), или «позднего», переваривающего и обращающего себе на пользу все и всякие формы антикапиталистического протеста, звучит как тривиальность. Также он звучит и для всех и всяческих ревизионистов, сторонников «исчезновения пролетариата», «шведского социализма» и «социализма с человеческим лицом». Для советских людей (ПСЧ, «простого советского человека», говоря на издевательском новоязе периода ранней буржуазной реставрации в России) и марксистов-ленинцев он звучит шокирующе: «Ленин мертв». Этот тезис Жижека оказывает «царапающее», а потому и пробуждающее к мысли воздействие нарушением спокойствия в болоте само-собой-разумеющегося — своей избыточностью для обывателей, либералов и «современных критических марксистов» (по существу — оппортунистов и ревизионистов) и своей «перпендикулярностью» — для простых советских людей и железных марксистов-ленинцев с их «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить».

От этого тезиса Жижека всем становится не по себе. Он генерирует или, скорее, открывает ту самую непособейность (бездомность) — Unheimlichkeit, каковая, согласно Хайдеггеру, характеризует способ бытия Dasein современной эпохи, лежит в основе

ностальгии (Heimsucht) и вообще всякого философского настроения, т. е. настроения, делающего возможным философию как артикулированное отношение к миру как сущему в целом и открывающего доступ к бытию (Sein) как таковому. Иначе говоря, жижеково положение — «Ленин мертв» — является началом современной философии. Причем в самом что ни на есть бытийно-соразмерном (daseinsmaessige и тем самым seinsmaessige) смысле.

В буржуазном обывателе, либерале и социалисте — «современном критическом марксисте» и, тем более, в постмарксисте положение «Ленин мертв» самой своей избыточностью, публичным повторением само собой разумеющегося, будит страх: а что, если нет? И тогда само их место в общественном бытии и все обеспечивающие это место концепции — всяческие делиберативные демократии и восстания сингулярностей — оказываются под угрозой.

В советском человеке (здесь подразумеваются как германский Ossi — используем здесь еще одно издевательское словечко из новояза ранней буржуазной реставрации, — так и упомянутый выше ПСЧ и все им подобные) и в железных марксистах-ленинцах он будит беспокойство: а что, если да? И тогда их привычные формы неприятия новой капиталистической действительности, формы пассивного сопротивления ей и определяемые этим пассивным сопротивлением способы ориентации в мире приобретают индекс проблематичности, подвешиваются. (Ведь не случайно, и притом вполне справедливо, Wessi, «новые русские» и их современные наследники считают ПСЧ и Ossi тупыми, и именно потому, что у последних неприятие новой капиталистической реальности имеет пассивный характер. Они, с точки зрения первых, и действительно как скот. Когда их гонят в определенном направлении, они в нем и идут, а все их неприятие и сопротивление заключается в том, что они — в отличие от Wessi, «новых русских» и их наследников, уловивших вектор капиталистического преобразования и иногда даже оказывающихся на гребне волны, — бредут медленно, и именно эта медлительность, вызванная ригидностью их «совковых» привычек и форм сознания, делает их лузерами того процесса, выгодоприобретателями которого являются Wessi, «новые русские» и их современные наследники. В их тупости и медлительности, правда, скрывается одна опасность, опасность того, что они, — будучи инертными, но многочисленными, — когда-нибудь совсем остановятся. Одна из форм проявления этой их тупости в ее предельной форме называется «всеобщая политическая забастовка».) Более того, если верно положение Жижека «Ленин мертв», то и для железных марксистов-ленинцев их привычные формы организации активного сопротивления на ленинских линиях — централизм и запрет фракционной деятельности в партии, установка на работу даже в «желтых» профсоюзах в противоположность организации «диких» забастовок, — а также способы обоснования этой борьбы равным образом оказываются под вопросом.

Но у угнетенных мира положение «Ленин мертв» вызывает надежду — «ужо вернется Ленин». Страх одних, беспокойство других, надежда третьих говорят об одном: все затронуты этим событием.

Более того, «Ленин мертв» является началом диалектического шага. Посредством этого положения наличное общественное бытие в целом и место в нем каждого обнаруживают свою безосновность, поставленность под вопрос и открытость в направлении своих возможностей — в той самой скрытой угрозе и надежде,

содержащихся в народном «ужо». (Чтобы понять, как это работает, можно перечитать завершающие страницы «Железного потока» Серафимовича.) Иначе говоря, мертвый Ленин оказывается более живым, чем живой — еще страшнее для угнетателей и их дипломированных и недипломированных лакеев и еще более связанным с обещанием счастья для угнетенных.

Жижек начинает концептуализацию ленинской мысли в эпицентре современных марксистских дискуссий. Они разворачиваются вокруг проблемы отношения экономического и политического измерений общественного бытия. Вопрос здесь стоит более чем определенно: что первично для конституирования и революционного преобразования общественного целого — экономика или политика?

Казалось бы, для марксистской ортодоксии вопрос это давно решенный, и положение о приоритете экономики над политикой в марксистской мысли выступает как конкретизация известного марксова положения о том, что общественное бытие определяет сознание. Кроме прочего, казалось бы, очевидно, что без этого невозможны ни марксова концепция идеологии как необходимой, принудительной видимости, диктуемой производственными отношениями, ни его анализ политических пароксизмов, подобный прояснению генезиса и логики бонапартизма.

Однако этот тезис о приоритете экономики над политикой был проблематизирован «постмодернистскими» левыми. Эта проблематизация на выходе превратилась, по словам Жижека, в «стандартный топос», разделяемый практически всеми ими, т. е. стала общим местом, принимаемым «постмодернистскими» левыми как само собой разумеющееся положение. Отправным пунктом этой проблематизации стал крах советской системы, выстроенной на основе идей советского марксизма и базирующейся как раз на положении о приоритете экономики над политикой, осмысленный в терминах краха тоталитаризма (не в последнюю очередь и в среде «постмодернистских» марксистов это осмысление выстраивалось на идеях Ханны Арендт).

Еще в классическом неомарксизме поражение советского социалистического проекта осмысливалось следующим образом. В условиях предательства рабочим классом Запада своих классовых интересов, — т. е. ввиду того, что западный пролетариат в своем большинстве предпочел классовой солидарности национальную и рост благосостояния за счет сверхприбылей, возникших из эксплуатации более развитыми капиталистическими странами менее развитых и колониальных, — и вытекающего из этого предательства поражения пролетарских революций в Европе к 1923 году, капиталистические государства консолидировались в борьбе против Советского Союза. Он остался в одиночестве и вынужден был — для расширения объема, подстегивания и удержания темпов производства — провести мобилизацию и создать собственный бюрократический контр-аппарат как аппарат господства. Советское общество вынуждено было напрягать все силы в этом противостоянии; «развитие социалистического производства продолжало увеличивать материальный и технический потенциал, подавляя (repressing) человеческий» [Marcuse H., 1969, p. 76]. Вместо освобождения, сокращения рабочего времени, роста самоуправления росли эксплуатация, репрессивный и надзорный аппарат.

В свою очередь, согласно неомарксистам, советский марксизм не смог вовремя предостеречь от этой опасности. Более того, он сам внес вклад в это вырождение и крах

советского проекта, и именно поскольку сам базировался на тезисе о приоритете экономики над политикой или, в терминах неомарксистов, на фетишизации и натуралистической трактовке экономических отношений в общественном целом, на концепции объективных экономических законов.

Советский марксизм становится отчасти жертвой описанных выше обстоятельств, отчасти — жертвой собственной близорукости. Маркузе отмечает, что вследствие общей мобилизации советского общества мобилизуется и философия. Философия историчности и освобождения — марксистская материалистическая диалектика — в условиях мобилизации всего общества также была инструментализирована и поставлена на службу выживанию советской системы, а следовательно, стала служанкой репрессивного партийно-государственного аппарата, т. е. превратилась в свою противоположность, стала служить не критике ложной наличной действительности, а ее оправданию, объединению людей в неистине и их угнетению. Соответственно, диалектика, каковая по существу является теорией историчности, — а следовательно, рассматривает действительность из перспективы возможностей, а возможности оценивает из перспективы действительности, различая пустые возможности и реальные на основе осознания противоречий действительности и оценивая ее в их свете, — из способа критической мысли превращается в универсальное «мировоззрение» и универсальный метод со своими жестко фиксированными правилами (три закона диалектики). Это, по мнению Маркузе, разрушает диалектику сильнее, чем любая ее ревизия. «Так как сама марксова теория перестает быть органом революционного сознания и практики и входит в надстройку установленной системы господства, движение диалектической мысли кодифицируется в философскую систему» [Marcuse H., 1969, p. 137], легитимирующую эту систему господства и становящуюся одним из элементов этой системы¹. Таким образом, уже классический неомарксизм открыл интеллектуальное пространство возможностей для формирования «стандартного топоса» «постмодернистских» левых.

Жижек эксплицирует это общее место «постмодернистских» левых, их отправную *Selbstverstaendlichkeit*, следующим образом. «Политический тоталитаризм так или иначе проистекает из господства материального производства и технологии над интересубъективной коммуникацией и/или символической практикой, как если бы первопричина политического террора коренилась в том, что «принцип» инструментального разума, технологической эксплуатации природы продлевался также и на общество — в результате с народом обращаются как с сырой глиной, из которой должен быть слеплен Новый Человек» [Жижек С., 2003, с. 126–127]. Как следствие, крах советского проекта освобождения, его перерождение в систему насилия, угнетения и лжи «постмодернистские» левые рассматривают как закономерный итог положения о приоритете логики экономики над логикой политики. Соответственно, в качестве альтернативы они выставляют положение об автономии логики (революционной, освободительной) политики, ее независимости от логики экономики и, в конечном счете, о приоритете логики политики.

¹ Савин А. Э. Герберт Маркузе. Западная философия XX — начала XXI в. — М.; СПб.: Центр Гуманитарных инициатив, 2016. — С. 181–210. С. 197–199.

Жижек в этой связи эксплицирует примечательный ход мысли «постмодернистского» левого Алена Бадью, представляющего означенную смену приоритетов. Этот французский мыслитель одобряет якобинский террор как проявление подлинной революционности и примата логики политической над логикой экономики. Этот приоритет политики он раскрывает, приводя слова, сказанные якобинцами в оправдание казни на гильотине по приговору революционного суда великого ученого Лавуазье: «Республика не нуждается в ученых».

Согласно совершенно справедливому замечанию Жижека, эта фраза, чтобы яснее выразить смысл якобинского революционного основоположения, должна быть сокращена до «Республика не нуждается». Это означает, что при учреждении института, основывающегося на свободе и равенстве (республики), и при поддержании этого института власть экономики низвергается. Республика, по якобинцам и Бадью, ведет к «приостановке значения» логики экономики, сферы материального производства. (Революционное) Событие как развертывание подлинного политического возникает из ничего и в качестве противоположности Бытию.

Жижек оценивает этот ход мысли постмодернистских левых следующим образом. «Эта чистая политика» Бадью, Рансьера и Балибара (в большей степени якобинская, чем марксистская) присоединяется к своему главному оппоненту — англосаксонским культурологическим исследованиям с их заикленностью на борьбе за признание — в недооценке значения экономической сферы. То есть все новые французские (или ориентирующиеся на них) теории Политического — от Балибара через Рансьера и Бадью к Лакло и Муфф — имеют своей целью, выражаясь на традиционном философском языке, сведение сферы экономики (материального) производства к «онтической» сфере, лишенной «онтологического» статуса. В рамках этого горизонта нет места марксистской «критике политической экономии»: структура мира товаров и капитала в «Капитале» Маркса — это не просто структура ограниченной эмпирической сферы, а своего рода социотрансцендентальное а priori, матрица, порождающая всю полноту социальных и политических отношений» [Жижек С., 2003, с. 129].

Эксплицируя логику движения мысли «постмодернистских» левых, Жижек указывает, что их критика марксизма базируется на положении, что если политика сводится к проявлению «объективного» социально-экономического процесса, то теряются открытость и случайность, неотъемлемо присущие политическому. Словенский философ обнаруживает, что у Бадью как образцового и наиболее глубокого представителя «постмодернистских» левых в основе понятия чистой политики, автономной по отношению к экономике (у самого Бадью и по отношению к истории, обществу, Государству и даже Партии), в свою очередь, лежит его противопоставление Бытия и События, отрыв одного от другого. Это противопоставление у Бадью он характеризует как идеалистическое.

Этой позиции Жижек противопоставляет позицию материалистическую, согласно которой сама форма экономики как экономики (логика взаимной связи потребностей и отношения обмена) делают ее несводимой к другим сферам общественной жизни и фундирующей их, а также пропитанной политикой. Он указывает в этой связи, что с материалистической точки зрения нельзя трактовать Событие как появляющееся «из

ничего» в рамках определенной констелляции Бытия, поскольку пространство События появляется в разрыве Бытия.

Противопоставляя идеалистической позиции «постмодернистских» левых материалистическую позицию Ленина, Жижек отвергает и их способ рецепции Ленина в своих целях. Эта рецепция и использование Ленина в своих целях у «постмодернистских» левых базируются на противопоставлении «правильного» Ленина периода «Что делать», с его тезисом о привнесении революционного социалистического сознания в пролетариат, который без этого действия ограничивается лишь экономической борьбой, извне «неправильному» Ленину «Государства и революции», с его (по их представлению) марксистским экономизмом и технократизмом. Иначе говоря, «постмодернистские» левые различают «живое» и «мертвое» у Ленина следующим образом: «живое» у Ленина — это приоритет политического и События, «мертвое» — приоритет экономического и Бытия. Жижек возражает. «...Ленина как наивысшего политического стратега ни в коем случае нельзя отделять от Ленина — «технократа», мечтающего о научной организации производства. Величие Ленина в том, что хотя ему и не хватало концептуального аппарата для осмысления этих уровней одновременно, он осознавал настоятельную необходимость выполнения этой — невозможной, но в то же время необходимой — задачи» [Жижек С., 2003, с. 131–132].

Безусловно, осознание необходимости одновременного осмысления политического и экономического измерений общественного целого или, скорее, вхождения политического в экономическое и, наоборот, вхождения экономического в политическое — важная заслуга. Но Жижек подчеркивает здесь вместе с тем именно нехватку или отказ ленинского понятийного аппарата.

На деле — в философском плане — это возвеличивание Жижекком Ленина на фоне современных дискуссий и, в особенности, на фоне дискуссий «постмодернистских» левых есть и самый сильный упрек в его адрес. Оно есть поцелуй Иуды. Что может быть более сильным обвинением в адрес мыслителя, чем указание на отсутствие у него концептуального аппарата для решения важнейшего вопроса, чем указание на то, что в решающем месте мыслитель или не подумал, или недодумал (недомыслил). А для философа-марксиста с его основополагающим тезисом «философы до сих пор только объясняли мир, но дело состоит в том, чтобы изменить его» это указание на нехватку концептуального аппарата означает и роковую обреченность на слепоту в важнейших вопросах этой базирующейся на недомыслии политики.

Эта двойственная трактовка Ленина как мыслителя, осознавшего необходимость мыслить одновременно экономическое и политическое измерения общественного бытия, т. е. экономичность политики и политичность экономики, и вместе с тем как мыслителя, которому не хватило концептуального аппарата для решения этой задачи, вполне логично ведет Жижека к различению Ленина и ленинизма и даже к отрыву последнего от первого. Ленинизм, исходя из приведенной трактовки Ленина, у Жижека выступает как мышление и политическая стратегия, определяемые тем, что совмещают оба измерения, т. е. мыслят одновременно экономичность политики и политичность экономики. Ленинизм, по Жижеку, следовательно, и есть мысль Ленина, помысленная (понятая) в свете ее возможностей. В свете возможностей своей мысли Ленин выступает как плохой, «мертвый», ленинист, ленинист недомысливший. Но и недомыслие Ленина открывает,

согласно Жижеку, возможности и содержит свою линию развертывания. Эти возможности, однако, своеобразны. Они есть окоченение мертвого в ленинизме. Вырождение ленинской мысли происходит именно из-за неспособности самого Ленина мыслить единство экономики и политики, а соответственно, мыслить (революционное) Событие в разрыве Бытия и само Бытие как разорванное, «треснувшее». Вырождение мысли Ленина развертывается в мыслительном отношении как формирование, начиная с Деборина, объективистского и натуралистического советского марксизма как своеобразной версии восходящей к Пармениду философии «сплошного», не имеющего частей и расколов, Бытия. В отношении политической стратегии это вырождение развертывается в форме сталинизации Советского Союза, бывшего первоначально освободительным проектом, и мертвящей, убийственной в прямом смысле, власти термидорианской бюрократии. Иначе говоря, с точки зрения Жижека сталинизм и диамат и есть реализованная ленинская мысль. В этой форме она противостоит ленинизму.

Но где же искать ленинизм? Не является ли он просто благим пожеланием или регулятивной идеей? Жижек уже в «13 опытах о Ленине» дает прямое указание для ответа на этот вопрос. В одном из примечаний он пишет следующее: «...Достижение «Истории и классового сознания» Дьердя Лукача состоит в том, что она представляет собой одну из немногих работ, успешно примиряющих оба эти измерения [экономическое и политическое. — прим. А. С.]: с одной стороны, тему товарного фетишизма и овеществления; с другой стороны, тему партии и революционной стратегии — вот почему эта книга является глубоко ленинистской» [Жижек С., 2003, с. 131]. Это примечание является ключевым для понимания жижекской концептуализации ленинизма.

Жижеку потребуется время, чтобы выполнить эту работу. Свою концепцию ленинизма он развернет в своем предисловии к сборнику произведений Ленина на английском языке «Lenin 2017» и особенно в послесловии к американскому изданию «Хвостизма и диалектики» Лукача под названием «Георг Лукач как философ ленинизма». В последнем он заявляет следующее. «Парадокс «Истории и классового сознания» (для ... «постполитической» перспективы) заключается в том, что мы имеем философски крайне изощренную (sophisticated) книгу, книгу, которая может соперничать с высшими достижениями немарксистской мысли этого периода, и в то же время целиком вовлечена в текущую политическую борьбу, является рефлексией над собственным радикально ленинистским опытом автора (кроме прочего, Лукач был министром культуры в недолго просуществовавшем венгерском коммунистическом правительстве Бела Куна). ...Если когда-либо существовал философ ленинизма, ленинистской партии, то это был раннемарксистский Лукач» [Zizek S., 2000, p. 152–153]. Но жижекская концептуализация ленинизма — это отдельная большая тема.

В завершение отметим лишь, что жижекская трактовка мысли Ленина является эпизодом старой борьбы западного марксизма, берущего начало именно в «Истории и классовом сознании» Лукача, с советским марксизмом. В явном или скрытом виде полемика с советским марксизмом содержится в каждом докладе и в каждой статье западных марксистов. Жижек примечателен здесь тем, что, философски искусно противопоставляя ленинскую мысль и ленинизм, совершает открытое вторжение и переносит борьбу на территорию своего противника — советского марксизма.

Методологически Жижек выполняет здесь хайдеггеровское возвращение (Wiederholung) к Ленину. Оно, по Хайдеггеру, есть разрыв с традицией и ее преодоление посредством раскрытия и реализации ее неявных для нее самой и ею не реализованных возможностей мысли и действия. В этом заключается существо историчности понимания. Жижек своей трактовкой отношения Ленина и ленинизма неявно претендует на то, чтобы раскрыть мысль и политическую практику Ленина в свете историчности (Geschichtlichkeit). Вызов это серьезный, и оставить его без ответа означало бы неявно согласиться с обвинением в безмыслии.

Литература

1. Жижек С. 13 опытов о Ленине. — М.: Ad Marginem, 2003. — 255 с.
2. Савин А. Э. Герберт Маркузе. Западная философия XX — начала XXI в. — М.; СПб.: Центр Гуманитарных инициатив, 2016. — С. 181–210.
3. Marcuse H. Soviet Marxism. A Critical Analysis. Fourth Printing. New York, Columbia UP, 1969. 271 p.
4. Zizek S. Georg Lukacs as the Philosopher of Leninism. In: A Defense of History and Class Consciousness. Tailism and the Dialectic. L., NY: Verso, 2000. Pp. 151–182.

References

1. Marcuse H. Soviet Marxism. A Critical Analysis. Fourth Printing. New York, Columbia UP, 1969. 271 p.
2. Savin A. *Gerbert Markuze. Zapadnaya filosofiya XX — nachala XXI v.* [Herbert Marcuse. Western philosophy of the XX — early XXI centuries]. Moscow; St. Petersburg: Centr Gumanitarnyh initsiativ, 2016. pp. 181–210. (In Russian.)
3. Zizek S. *13 opytov o Lenine* [13 essays on Lenin]. Moscow: Ad Marginem, 2003. 255 p. (In Russian.)
4. Zizek S. Georg Lukacs as the Philosopher of Leninism. In: A Defense of History and Class Consciousness. Tailism and the Dialectic. L., NY: Verso, 2000. Pp. 151–182.

The Interpretation of Lenin's Thought by Slavoj Zizek

Savin A. E.,

DSc, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Faculty of Philosophy and Sociology, Head of the Philosophy Department;
Moscow School of Management "Skolkovo",
Institute for Public Policy, Professor,
savinae2018@gmail.com

Abstract: The article reveals the nature of the interpretation of Lenin's thought by Slavoj Zizek and the social and philosophical significance of the interpretation. It is demonstrated that the interpretation is based on the opposition of Lenin and Leninism. This opposition is carried out with the problematization of the relationship between economy and politics and the interpretation of being based on Zizek's analysis of criticism of Marxism by postmodern left thinkers. It is demonstrated that Zizek's interpretation of Leninism is a new stage in the polemic of Western Marxism against Soviet Marxism. The methodological foundations of this new challenge are revealed.

Keywords: Zizek, Lenin, Leninism, Soviet Marxism, Western Marxism, philosophy, politics.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00764 A.